

Александр Насибов

Авария Джорджа Гарриса

*Часть сборника
Авария Джорджа Гарриса
(сборник)*

Александр Насибов

Авария Джорджа Гарриса

«ВЕЧЕ»

Насибов А.

Авария Джорджа Гарриса / А. Насибов — «ВЕЧЕ»,

1945 год. Вот-вот закончится самая жестокая и страшная война в истории. Советские и американские войска подавляют последние очаги сопротивления гитлеровцев. Для согласования действий в штаб советской группировки вылетает уполномоченный американского генштаба полковник Гаррис. Однако германским ПВО удастся сбить его самолет, и теперь судьба полковника зависит от того, кто успеет раньше – немцы или русские?..

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	11
5	15
6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Насибов

Авария Джорджа Гарриса

1

Морозным февральским утром 1945 года с одного из аэродромов севера Франции, уже освобожденного от оккупантов, стартовал бомбардировщик американской армии. Машина тяжело оторвалась от земли, набрала высоту и взяла курс на восток.

Бомбовые люки самолета были пусты. Самолет выполнял не совсем обычное задание. На борту его находились пассажиры – полковник Джордж Гаррис со своей секретаршей и радисткой Патти Джонсон.

Полковник дремал, откинувшись в кресле, которое для него наскоро укрепили в тесной и не оборудованной для пассажиров кабине. Он был плотен, рыжеволос. Красное лицо наискось – от левого виска к углу рта – пересекал шрам, который багровел, когда полковник волновался.

Сейчас шрам был словно налит кровью – Джорджу Гаррису очень не по душе была эта командировка. До сих пор счастье не изменяло ему, жизнь казалась легкой и приятной. Долгое время он занимал важный пост в материально-техническом управлении военно-воздушных сил США. Это был чудесный период, когда деньги сами плыли в руки. Компании не скупилась на доллары, лишь бы получить побольше заказов на поставку всего того, в чем нуждалась военная авиация, и надо было только не зевать и не терять головы.

Гаррис так именно и поступал. Обширные связи в деловом мире, десятка два ловко обделанных дел позволили ему сравнительно быстро сколотить кругленькую сумму, которая обеспечивала приятное существование на долгие годы. Он сменил свой автомобиль на машину последней модели одной из лучших фирм; перебрался на жительство в квартал фешенебельных ресторанов и особняков; подумывал уже об обзаведении семьей – дело было только за выгодной партией. И тут – американцы и англичане высадились во Франции.

«Влип», – решил Гаррис, когда получил назначение в Европу. Однако там оказалось не так уж плохо. На Западе нацисты сопротивлялись только для видимости, и джипы со звездными флажками на ветровых стеклах быстро катили по гладким дорогам к сердцу страны.

Полковник Гаррис молниеносно разобрался в обстановке, которая сложилась в голодающей Нормандии. Несколько удачных спекуляций лежалыми консервами и такой же мукой сделали его текущий счет в банке еще более солидным. Теперь можно было подумать о вилле в Калифорнии и о моторной яхте!..

Джордж Гаррис был настроен тем более оптимистично, что все говорило о быстром окончании войны. Русские армии здорово били фашистов, совершали чудовищные скачки вперед, размалывая в муку, казалось, самые неприступные узлы сопротивления нацистов. Не надо было быть гением, чтобы понять, что такого натиска не могла выдержать ни одна из армий мира. Словом, все шло хорошо – и вдруг эта нелепая командировка! Начальству, видите ли, потребовалось согласовать несколько важных вопросов с русскими. И оно решило послать своего представителя не кружным, но безопасным путем, а прямо через территорию врага: так, мол, быстрее. Конечно, летели не генералы, и им было плевать на зенитки немцев!..

Гаррис вздохнул и тяжело заворочался в кресле. Он привычно полез в карман за трубкой, но вспомнил, что находится не на земле, и мысленно выругался.

В глубокой задумчивости была и Патти Джонсон. В памяти девушки всплывали картины довоенных лет, такие дорогие и хорошие картины. .. Вот она сидит за завтраком в кафетерии, а он только что вошел в зал и растерянно оглядывает занятые столики. Только возле Патти есть свободное место. Они встретились взглядами, и девушка невольно улыбнулась: ей сразу понра-

вилось его хорошее открытое лицо с чуть насмешливыми глазами... Он подсел и представился: Дэвид Кент, конторщик. А вечером они встретились и долго бродили по городу. Дэвид проводил ее до дому, внимательно посмотрел в глаза и поцеловал... Знакомство Патти и Дэвида превратилось в дружбу, дружба – в любовь, хотя он никогда не произносил этого слова. Их встречи продолжались месяца три. А потом японцы напали на Пирл-Харбор и началась война. Кента призвали. Он писал, что стал летчиком. Вскоре в армию ушла и Патти. Они потеряли друг друга на долгие годы и вот сегодня встретились: Дэвид Кент оказался командиром самолета, на котором Гаррису и ей предстояло лететь к русским.

Патти закрыла глаза и счастливо улыбнулась. И в этот момент за окном вспух багрово-дымчатый пузырь и машину резко тряхнуло.

Пассажиры вскочили на ноги. Гаррис припал к окошечку, пытаясь разглядеть землю. Он видел, как оттуда протягивались к самолету дымчатые трассы. С каждой секундой их становилось все больше. Сбоку всплыла цепочка шрапнельных разрывов. Пилот прибавил газу и бросил машину в сторону, выводя ее из зоны обстрела. Но было поздно: один из снарядов разорвался под фюзеляжем, другой прошел крыло. Гаррис почувствовал резкую боль в левой руке. Самолет клюнул носом и накренился.

Из кабины пилотов радист Барт выволок безжизненное тело второго пилота лейтенанта Билдинга. Патти вскрикнула и метнулась к кабине.

– Кент, Кент! – воскликнула она. – Дэвид, вы живы?

Капитан Кент не повернул головы. Он прилагал отчаянные усилия, чтобы выровнять машину и не дать ей свалиться в штопор. Патти были видны его побагровевшая от напряжения шея и ссутулившиеся плечи.

Действуя штурвалом и педалями, пилот поставил, наконец, машину горизонтально, но тут отказал правый мотор. Бомбардировщик стал снижаться.

Кент повернул голову.

– Придется садиться! – прокричал он. – Предупредите там, чтобы приготовились!

2

Широкая безлюдная равнина где-то на востоке Германии. С запада ее окаймляют развалины разбитого американскими бомбами городка, с востока – цепь невысоких холмов. Равнина была когда-то обширным картофельным полем. Теперь она поросла сорняком, до черноты высушенным морозом и ветром. Одинокaя скала среди холмов только подчеркивала безжизненность пейзажа.

Капитан Кент старался посадить самолет на равнину. Бомбардировщик неуклюже ковылял в воздухе, с каждой секундой теряя высоту. Наконец машина брюхом коснулась земли, прочертила по полю широкую полосу и, достигнув одинокой скалы, остановилась; на мгновение она сохранила равновесие, а потом качнулась и подняла к небу израненное крыло.

С трудом отворилась дверца кабины. На землю прыгнул капитан Кент, за ним капрал Барт. Оба они едва держались на ногах. Кент был ранен в бок, а капрал очумело мотал головой, на которой вспухла огромная шишка. Офицер и капрал вытащили из кабины лейтенанта Билдинга, стараясь не касаться его замотанной в одеяло ноги.

Последними покинули самолет Патти Джонсон и полковник Гаррис, поддерживавший наскоро перебинтованную руку.

– Барт, ваш парашют, живо! – скомандовал Кент.

Капрал вскарабкался в самолет, вытащил оттуда парашют, развернул его и разостлал у скалы. Он с Кентом отнесли к скале Билдинга.

– А теперь, – сказал командир экипажа, – взберитесь на скалу и как следует оглядитесь вокруг.

Барт отправился. К Кенту подошел Гаррис. Он был растерян, подавлен случившимся, испуганно озирался. Пистолет свой полковник передвинул поближе к животу, расстегнув кобуру.

– Это очень опасно? – хриплым от волнения голосом спросил Гаррис. – Как далеко немцы?

Кент пожал плечами:

– Странный вопрос... Кто может поручиться, что нас не схватят в ближайшие пять минут?

Обернувшись к Патти, пилот попросил ее развернуть свою радиостанцию, так как рация самолета оказалась разбитой осколком зенитного снаряда.

Радистка установила передатчик на камень возле скалы и стала готовить его к работе. Девушка волновалась, и руки плохо повиновались ей. Неловкое движение, и рация едва не упала. Гаррис охнул и грубо выругался. Патти вздрогнула и вновь чуть не свалила передатчик.

– Спятели вы, что ли? – прорычал полковник.

– Легче, сэр, – угрюмо проговорил Кент. – Поберегите нервы. Еще не наступило самое худшее.

Гаррис осекся и испуганно оглянулся. Патти взглядом поблагодарила летчика. Билдинг застонал.

– Что со мной, Дэвид? – спросил он слабым голосом.

У второго пилота была перебита нога, и Кент, стараясь смягчить выражения, объяснил ему это. Билдинг вновь потерял сознание.

Патти доложила, что станция к работе готова. Командир самолета стал вращать рукоять движка, радистка застучала ключом.

Гаррис подсел к Билдингу и, видя, что тот открыл глаза, сказал:

– Держитесь, старина. И мне порядком досталось от того проклятого снаряда. Держитесь. Сейчас Кент вызовет какую-нибудь машину, и все будет в порядке!

– Машину! – передразнила Патти. – Такси!

В этот момент в наушниках радистки раздалось попискивание морзянки. Кто-то отвечал на сигнал бедствия экипажа бомбардировщика. Закусив от волнения губу, Патти передала продиктованный Кентом текст аварийного сообщения и ориентир для посадки: три костра в ряд; садиться с севера, оставляя костры слева; осторожно – поле неровно!

Радистка переключилась на прием, с минуту слушала и устало сняла наушники.

– Все, – сказала она. – Это какая-то американская станция у русских. Приказано ждать самолет.

Девушка уронила голову на руки и заплакала. Кент сидел обессиленный, в каком-то оцепенении.

– Дело сделано, – бодро проговорил Гаррис, вывинчивая пробку фляги. – Не мешает выпить, Кент.

Он налил себе, выпил, потом наполнил стаканчик для пилота. Вытащив трубку и табак, Гаррис закурил.

– А ведь это отлично, что летят американцы, – сказал он, выпустив клуб дыма.

Кент пожал плечами:

– Не вижу разницы: кто! У меня одно желание – скорее унести отсюда ноги.

Гаррис покачал головой и поднял палец.

– Видите ли, я, конечно, верю русским. В сущности – они неплохие люди. Но спасать американцев должны только американцы. Русским же следует укрепиться в уверенности, что они обязаны нам многим, если не всем, а мы – только Господу Богу!

– Вы прекрасно знаете, что это не так.

– Не перебивайте... Этого многие не понимают. А это очень важно для того времени, когда не будет войны. Ведь теперь, Кент, недалеко и до развязки.

– Интересно, как думали вы, когда до развязки было далеко да и неизвестно было, какая наступит развязка?

Гаррис строго посмотрел на пилота.

– После того как в игру вступили русские, вопрос о том, какая будет развязка, для меня лично отпал. Остался лишь вопрос сроков.

– Тем более! – воскликнул Кент. – Хотя, впрочем, я не политик. За меня думают президент и мои командиры. И отлично, что это так. Ибо, когда обо всем начинаешь размышлять сам, то трещит голова.

– Сейчас надо быть политиком, парень. А вы молоды и не понимаете...

– Все только и делают теперь, что говорят о политике. И о русских.

И Кент рассказал полковнику о своей единственной встрече с русским. Это было в Штатах, на одном из северных аэродромов, где приземлилась советская военная машина, доставившая какое-то официальное лицо. Американские летчики тепло встретили своих русских коллег, потащили в ресторан. Советские летчики оказались отличными парнями – веселыми и общительными. Они до слез хохотали, глядя на выступавших на эстраде чечеточников-негров, потом пригласили их к столу. В ресторане поднялся переполох, но русским, видимо, было плевать на это. Они на славу угостили артистов, пожали им руки, подарили, как и белым, сувениры – звездочки или монеты, он не помнит точно что.

– Неграм! – воскликнул Кент в заключение своего рассказа. – И мне лично это очень понравилось!.. Вот и все, что я знаю о русских. Правда, мне известно еще, что они взяли на себя главную тяжесть в этой трудной войне. Не так ли?

Гаррис кивнул.

– А если это так, – продолжал Кент, – то с ними надо вести только честную игру.

– И раскрывать свои карты? – иронически улыбнулся Гаррис. – Ни один деловой человек не поступает подобным образом.

– В сделке – да. Но это – война!

– Сделка, война, – пожал плечами полковник. – Нет разницы. Война – я имею в виду военный союз – та же сделка.

– Значит, кончится война, кончится сделка?

– М-м, – замялся Гаррис. – Видите ли, хозяином послевоенного мира должна стать Америка. Боюсь, что русским не очень по душе такая перспектива...

Разговор прервал спустившийся со скалы Барт. Он доложил, что в пяти милях – дорога. По ней проходят немецкие грузовики. В районе посадки самолета ничего подозрительного не замечено.

Кент приказал капралу набрать сухой травы и веток для сигнальных костров, приготовить бензин и спички. Патти, уже успокоившуюся, он направил дежурить на скалу.

– Смотрите в оба, Барт, – торжественно сказал Гаррис. – Не опоздайте с сигналом. За нами летят янки!

– Наши? – радостно воскликнул капрал. – О, все будет в порядке, сэр!

3

Стало темнеть. Кент подсел к Билдингу. Гаррис задумчиво прохаживался неподалеку. Вдруг он остановился и прислушался.

– Кент, – сказал полковник. – Кент, вы слышите что-нибудь?

Пилот встал.

– Как будто шум моторов... Какой-нибудь самолет.

– Держу пари, что это он!

– Что вы, полковник! Слишком рано.

Гаррис схватил Кента за руку.

– Смотрите, – заорал он. – Смотрите же! Вот он! И – совсем низко!

Теперь и командир корабля увидел идущий с востока самолет.

– Снижается, – продолжал кричать Гаррис, от волнения пританцовывая на месте. – Он садится, Кент! Бегите же!

Сомнений не было. Машина разворачивалась для посадки. Кент, все еще удивляясь тому, что она пришла так быстро, помчался по полю.

– Что случилось? – спросил Билдинг, открыв глаза.

– Пришел самолет, парень! Подумать только: не истекло и полчаса, а они уже прилетели. Черт, отыскать нас здесь без сигнала!.. Нет, это могли сделать только янки!

Тем временем самолет планировал на посадку. Гаррис видел, как он коснулся колесами земли, помчался, подпрыгивая, по полю и вдруг резко остановился. К машине спешили Кент и Барт. А из кабины навстречу им выпрыгнуло несколько фигурок.

– Я командир советского бомбардировщика, прибыл за вами.

– Смотрите, Билдинг, – кричал Гаррис, размахивая здоровой рукой. – О черт, целуются! Нет, все это больше походит на хороший голливудский боевик! Клянусь, я расчувствовался, как мальчишка, и, кажется, сам обниму кого-нибудь из них!

Полковник был растроган. Он отвернулся и украдкой смахнул слезу. Потом он гордо выпрямился и обернулся, отыскивая радистку.

– Патти, – позвал он, – Патти, где это вы?

– Я здесь, сэр!

Патти слезла со скалы радостная, счастливая. Гаррис снисходительно улыбнулся ей.

– Ну, теперь все ваши страхи позади. Заберите мой реглан. Мы улетаем.

4

Через минуту в сопровождении Кента и Барта к Гаррису подошел высокий молодой человек в меховом комбинезоне и таком же шлеме. Он козырнул и представился:

– Капитан Пономаренко.

– Как? – переспросил Гаррис, делая шаг назад.

Летчик улыбнулся.

– Капитан Пономаренко. Так меня зовут. Я командир советского бомбардировщика, был за вами.

Теперь Гаррис понял все. Он как-то вдруг обмяк, засуетился.

– Вот ранили меня и Билдинга, – сказал он жалобно. – И Кенту досталось...

– Не волнуйтесь, – успокоил его советский пилот. – Все будет хорошо. В нашем госпитале вас быстро вылечат.

– Да, да, – горячо подхватил полковник. – Вы славный парень, капитан!

Советский летчик увидел Патти и ласково кивнул ей.

– Девушка?... О, теперь мы рады вдвойне!

– Но ведь радио приняли американцы? – воскликнула Патти здороваясь.

– Да, – подтвердил Пономаренко, – ваш сигнал был получен американской рацией, по которой согласовываются действия на этом участке вашей и нашей авиации. Мы как раз выполняли задание близ этого квадрата. Американцы связались с моим командованием. Я получил приказ взять вас. И вот мы здесь и очень рады оказать вам услугу. Это даже не услуга, а наш долг. Ведь мы союзники.

Пономаренко понравился Гаррису. Полковник похлопал русского пилота по плечу. Тот несколько смутился, полез в карман за папиросами. Кент раскрыл портсигар и предложил сигареты. Гаррис протянул летчику трубку и кисет, посоветовав отведать настоящего кепстена.

– Спасибо, – сказал Пономаренко, вытаскивая коробку. – Со мной московские папиросы. Попробуйте их.

Гаррис и Кент взяли по папиросе. Полковник долго вертел папиросу в руках, рассматривая странный картонный мундштук, прежде чем решился закурить. Папироса ему понравилась.

– Гм, – проговорил он, – московские... – И неожиданно спросил: – А капитан э-э... большевик?

– Да, – ответил пилот. – Я член Коммунистической партии.

Наступила пауза. Потом Гаррис заторопился: надо лететь, они и так потеряли много времени зря; право, следует поторопиться!

Пономаренко объяснил, что при посадке повреждено шасси – в сумерках он не заметил камня. Гаррис вздрогнул, и шрам на его лице проступил темной, почти черной полосой.

Заметив, что американец волнуется, Пономаренко поспешил успокоить его: авария небольшая, ее уже исправляют. Полчаса, и все будет в порядке.

Настроение Гарриса упало. Он насупился, что-то проворчал, поплелся к скале и уселся на разостланное у ее подножья пальто. Русский и американский пилоты устроились неподалеку и вновь закурили.

– Давно летаете, капитан? – спросил Кент.

Советский летчик объяснил, что с самолетом познакомился только в войну, а до этого в армии не служил. Кент осведомился о том, как выполнено сегодняшнее задание. Пономаренко оживился.

– Этот завод мы искали две недели! Там делали жирокопсы к самолетам-снарядам и торпедам. И сегодня завод перестал существовать.

– Надо полагать, что славно поработали ракетчики? – вставил тоном знатока Гаррис.

– Нет, – сказал русский пилот. – Мы просто рискнули спуститься пониже. И у немцев сдали нервы. Внезапно по нас был открыт сильный огонь. Он-то и позволил установить местонахождение отлично замаскированного объекта. Рискнули и выиграли!

– Выиграли, – буркнул Гаррис. Его раненая рука горела, и это ухудшало и без того скверное настроение полковника.

Кент с любопытством глядел на своего русского коллегу. Вот только... И неожиданно для самого себя он вдруг спросил:

– Правда ли, что в Советском Союзе всякий, кто женится, должен получить разрешение властей?

Пономаренко расхохотался.

– Вы напрасно смеетесь, – с укоризной проговорил Гаррис. – На вашем месте я бы...

– Смеюсь потому, что этот вопрос мне уже задавали, и не один раз!

– Вот видите!

Пилот оборвал смех.

– Мне и смешно и печально. Такие же нелепые вопросы нам часто задают ваши соотечественники, приезжающие в Советский Союз. Но – только в первые дни. А потом они стыдливо просят извинений. Но это не меняет дела. Нелепые слухи распространяют про нас американские газеты. Чего они добиваются?

– Чего добиваются? – спросил Гаррис. Он приподнялся на локте и в упор смотрел на советского летчика. – О, они добиваются многого. Они хотят, чтобы в вашей стране пышным цветом расцвели демократия и прогресс. Перед вами широко раскрывается сокровищница американской культуры.

Пономаренко нахмурился.

– Мы не все можем перенять у американцев, – сказал он.

– Что же именно? – удивился полковник.

– Многое. Например, электрический стул, суды Линча, гетто и резервации! – Он помолчал и твердо заключил: – Да, и еще многое другое... Простите, пойду взглянуть, как идет ремонт шасси.

Пономаренко ушел, и Патти с негодованием обернулась к Гаррису.

– Вы напрасно затеяли этот разговор, – решительно сказала она. – Вы обидели этого славного парня!

– Не вашего ума дело, Джонсон, – огрызнулся Гаррис.

– Я думаю, что Джонсон права, сэр, – сказал Кент. – А газеты могли и соврать. Они так часто печатают ложь.

– Иной раз нужна и она, Кент!

– Оставьте! Ложь всегда ложь и всегда отвратительна.

Кент чувствовал себя очень плохо. С каждой минутой все больше давала знать о себе рана – он потерял много крови. Внезапно летчик качнулся и упал бы, не поддержи его Патти. Девушка усадила Кента на камень, расстегнула воротник, потеряла виски. Вскоре он пришел в себя.

– Не волнуйтесь, – сказал Кент, слабо улынувшись. – Ничего страшного... уже прошло.

– Я так перепугалась!..

– Перепугались... Вы любите меня, Патти?

– Не надо сейчас об этом...

– Нет, – сказал Кент, – вы должны ответить. Скоро мы расстанемся. Кто знает, выпадет ли мне снова счастье возить Джорджа Гарриса и его секретаршу Патти Джонсон!.. Вы должны дать мне слово, Патти!

– Боже мой, сейчас, Дэвид?

– Да. Вы думаете я не начал бы этого разговора раньше? Но легко сказать – раньше. Конторщик с перспективой стать старшим конторщиком – и все. А теперь я офицер, пилот. Еще год-другой, и у нас будет достаточно денег, чтобы устроить себе гнездо – пусть на первое время. Кроме того, после войны все будет иначе. Так говорил президент. Так пишут газеты... Ну, Патти? Вы молчите. Быть может, у вас есть другой?

Девушка покачала головой.

– Я люблю только вас, Дэвид...

Вернулся Пономаренко. Он сообщил, что дело идет к концу. Машина скоро сможет подняться в воздух.

– Идите сюда, капитан, – позвал его Гаррис. – Так, садитесь.

Полковнику хотелось сказать что-нибудь приятное за ту хорошую вест, которую принес ему этот симпатичный русский пилот, пусть немного резкий и самонадеянный. И он заявил, что Пономаренко скромничает, не считая свой прилет за американцами услугой. Это не так. Это услуга. Больше того, это подвиг! Так же хорошо ведут себя на фронте многие советские воины, и американцы поэтому весьма ценят своих союзников.

– Да, да, – сказал Гаррис в заключение. – И в подтверждение этого я хочу вам рассказать об одном письме. Только вчера я получил его из Штатов. Пишет мой старинный друг Арчибалд Дермонт. Лет сорок назад он начал со стрижки овец в Иллинойсе. Теперь Арчи – владелец крупной фирмы. Он член конгресса и весьма уважаемый человек... Словом, то, что у вас называется «капиталистическая акула» или что-то в этом роде...

Пономаренко улыбнулся.

– Что же пишет ваш друг? – с любопытством спросил он.

– О, Дермонт в курсе всех дел Белого дома. И он утверждает, что теперь со всей уверенностью можно говорить о решительном повороте во взаимоотношениях американцев и русских.

– Время покажет, – неопределенно заметил пилот.

– Нет, нет, он прав!.. И Советы должны по достоинству оценить ту гигантскую и бескорыстную помощь, которую им щедрой рукой шлет преданный заокеанский друг... Вы понимаете меня?

– Как вам сказать, – Пономаренко помедлил, потом решительно вскинул голову. – Вот прибыл один пилот из Мурманска. Он рассказывает: американский транспорт доставил туда зерно. Выгрузили его и... сожгли. Зерно было заражено страшным вредителем.

Гаррис развел руками.

– Недосмотр, надо полагать...

– Будем надеяться, что так...

– И – к делу! Так вот, Дермонт утверждает, что у нас очень положительно оценивают перспективы нашего послевоенного сотрудничества. Ваша страна – это такое широкое поле деятельности для предприимчивых людей с деньгами!

– «Поле деятельности», – усмехнулся Пономаренко. – Хотелось бы, чтобы у вас по достоинству оценили все то, что делает и будет делать наш народ для всего человечества. Вот что могло бы лечь в основу нашей прочной дружбы. А сейчас...

Гаррис вскочил с места. Он хотел что-то возразить, но Пономаренко жестом остановил его.

– А сейчас – вот вам пример. Вообразите: стоит дом, в нем два этажа, и каждый из них занимает семья. Шайка бандитов ломится в дверь. Может вас удивить, что квартиранты верхнего этажа спешат на помощь живущим внизу? Ведь надо быть идиотом, чтобы не сделать этого. Победив внизу, бандиты устремятся вверх. И разве не смешно такую помощь выставить как некое геройство? Это даже не помощь. Это – самооборона!

– Из этого я заключаю, что вы плохо знаете американцев, – торжественно сказал Гаррис.

Патти горячо воскликнула:

– Да, да, – не все такие, как... Дермонты!

Пономаренко пожал плечами.

– Мы и не думаем так. Но ваши Дермонты еще сильны.

– Оставьте Дермонтов в покое и бросьте ваши пропагандистские разговоры, – грубо прервал его Гаррис. – Право, вы рассуждаете, как марксистский теоретик.

– Я кандидат наук. Война – стал летчиком...

– Я так и знал, что имею дело с большевистским агитатором!

– Полковник! – с упреком заметил Кент.

Гаррис досадливо отмахнулся.

– Оставьте меня! Я знаю, что говорю. Этот пилот не очень хорошо воспитан. И, будь это в другой обстановке, я бы...

– А вы не стесняйтесь и здесь, – ответил Пономаренко.

Русский капитан и американский полковник несколько секунд смотрели друг другу в глаза.

Тяжелую паузу прервал второй пилот советского бомбардировщика. Подойдя, он остановился в стороне и кивком подозвал своего командира. После короткого разговора летчики поспешно отправились к самолету.

Гнев Гарриса как рукой сняло. Он приподнялся на локте и с тревогой смотрел им вслед. Гаррис видел, как летчики подошли к машине, склонились над шасси. Потом один из них вскарабкался в самолет.

– Кент, – взволнованно сказал полковник, – там что-то стряслось. Сдается мне, что это с проклятым шасси...

Был встревожен и Кент.

– Если понадобится, они скажут сами, – мрачно заметил он.

– Нет, нет, – закричал Гаррис. – Смотрите, теперь и второй полез в самолет! – Он чуть не задохнулся от пришедшей ему в голову мысли. – Они хотят улететь без нас, Кент!!!

Гаррисом овладел панический страх. Он вскочил на ноги и схватил реглан.

– Я пойду туда сам!.. Я выложу им всю правду! Как подло то, что они собираются совершить! Я не пожалею долларов!.. Идемте, Кент!

Гаррис осекся. Летчики показались из машины, спрыгнули на землю, и один из них зашагал к скале. Это был командир корабля. Подойдя, он сказал:

– Поломка шасси оказалась серьезнее, чем можно было предположить раньше. Шасси исправили, как могли. Но это недостаточно надежно. Оно не выдержит всех... Мы уже радировали. Сюда идет вторая машина. Несколько человек останутся и улетят на ней...

У Гарриса задрожал подбородок. Сбылись его предчувствия! Он знал, что все это не кончится добром. Гаррис резко обернулся к Кенту.

– Вы слышали? – с горечью спросил он. – Ну, что теперь скажете?

Прежде чем Кент смог что-нибудь ответить, Пономаренко объявил:

– Остается часть моего экипажа. Мы здоровы – вы ранены...

Гаррис отшатнулся от пилота. Сознание, разум полковника отказывались воспринять то, что услышали его уши.

– Идите в самолет, – распорядился Пономаренко.

Обернувшись к сопровождавшим его двум сержантам, он приказал им взять раненого.

5

В эту минуту дежуривший на скале капрал Барт заметил серо-зеленые фигурки людей, перебегавшие по полю. Это был немецкий отряд, спешивший к месту посадки самолета. Между ним и машиной находилась скала, и солдаты уже приближались к ней.

– Немцы! – крикнул Барт, скатываясь со скалы.

Тотчас же раздалось несколько автоматных очередей. Члены экипажа Пономаренко – сержанты Мельников и Волк – кинулись к скале и открыли ответный огонь. Командир советского самолета и Кент выхватили пистолеты. Барт присоединился к русским сержантам. Только Гаррис и Патти стояли на месте, будто окаменев.

– Скорее в машину! – крикнул им Пономаренко.

Прибежал четвертый член экипажа советского бомбардировщика, стрелок-радист Джавадов. Он доложил командиру, что дорога к самолету еще свободна. Если задержать немцев, можно взлететь!

Капитан Пономаренко приказал Джавадову отнести в машину раненого лейтенанта Билдинга. Здоровяк Джавадов легко поднял американца и побежал к самолету. Гаррис, словно придя в себя, вдруг засуетился, оглянулся по сторонам, схватил за руку Патти и засеменил за Джавадовым.

С каждой секундой перестрелка разгоралась, напряжение боя нарастало. Вот несколько фашистов, скрытно пробравшись по неглубокой канаве в сторону, кинулись к обороняющимся с фланга. На их пути оказался сержант Мельников. Двух врагов он скосил очередью из автомата, с третьим схватился врукопашную. Они катались по земле, сцепившись в тесный клубок. Гитлеровец оказался серьезным противником. Его словно сделанные из железа пальцы сдавливали шею сержанта Мельникова. Тот хрипел в отчаянных попытках освободиться. Рука Мельникова нащупала камень, и в следующее мгновение советский сержант обрушил на голову врага страшный удар. Пальцы фашиста разжались. Мельников вскочил на ноги, оглянулся. В стороне капитан Пономаренко отбивался от двух наседавших на него солдат. Мельников поспешил на помощь командиру, застрелил одного. Но другой солдат изловчился и взмахнул штыком. Вперед метнулся капитан Кент, и удар пришелся в его левую руку. Американский летчик упал.

– В машину его! – приказал Пономаренко.

Сержант Волк поднял Кента и побежал к самолету.

Бой продолжался. Примчался Джавадов. Он принес несколько гранат и с ходу швырнул одну из них далеко вперед. Грохот разрыва смешался с нарастающим ревом моторов. Над скалой пронесся взлетевший бомбардировщик. Капитан Пономаренко на секунду приподнялся, провожая глазами свою машину...

Немцы, их было до взвода, замкнули кольцо. Положение обороняющихся стало критическим. Прекратил стрельбу раненный в шею сержант Мельников. В следующую минуту был подбит капитан Пономаренко. И только сержант Джавадов продолжал вести бой. Он действовал автоматом, расстреливая последний диск. Рядом с ним шлепнулась граната на длинной деревянной ручке. Секунду она вертелась, а потом взорвалась. Джавадов встал, тяжело шагнул вперед и рухнул на тело своего командира.

6

Капитан Пономаренко открыл глаза. Он сидел, прислоненный к скале, против пожилого худошавого гауптмана. Немец курил и внимательно наблюдал за его лицом, словно изучая его.

Пришел в себя Джавадов. Он был невредим, но оглушен. Секунду кавказец соображал, а потом оскалил зубы и, крича что-то по-азербайджански, кинулся на гауптмана. Стоявший рядом с офицером солдат ударил Джавадова, и тот снова упал.

Гауптман сделал знак низкорослому мрачному лейтенанту с изрытым оспой лицом. Тот скомандовал. Солдаты поволокли Джавадова и Мельникова куда-то в сторону. У скалы остались только офицеры, включая пленного Пономаренко.

Гауптман приказал пилоту встать. Тот исполнил требуемое.

– Кто вы такой? – спросил немец. – Какая часть, сколько машин, где базируетесь, почему потерпели аварию?

– Это не моя машина, – пожал плечами Пономаренко, поглядев в сторону разбитого американского бомбардировщика.

– Бросьте врать! – прикрикнул на него гауптман.

– Я говорю правду. Там опознавательные знаки. Вы же офицер – разберитесь.

Гауптман обменялся взглядом с рябым лейтенантом. Тот отправился к машине и, вернувшись, что-то сказал начальнику.

– А где люди с американского самолета? – спросил гауптман у Пономаренко.

– Улетели.

– На чем?

– На моем самолете. Мы спасли их.

– А сами... остались здесь?

Офицер вытащил пистолет, приставил его к груди пленного и вновь задал вопрос об экипаже американской машины. Пономаренко молчал и прямо глядел в глаза гауптмана. Тот понял, что русский говорит правду. Но предоставить машину другим, а самому оказаться в таком положении!.. Фашистский офицер никак не мог понять, чем, собственно, можно объяснить такой поступок? По его требованию Пономаренко рассказал о происшествии последнего часа. Офицер слушал, не перебивая, изредка бросая на русского испытующие взгляды. Потом он приказал своему помощнику удалиться, закурил сигарету и дал закурить Пономаренко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.